
Русские морские офицеры в 1917–1921 гг.

Кирилл Назаренко

Russian naval officers in 1917–1921

Kirill Nazarenko

(Saint Petersburg State University, Russia)

Вопрос о политическом выборе офицеров русской армии и флота во время Гражданской войны до сих пор является предметом дискуссии, начавшейся в то время, когда военное противостояние красных и белых ещё продолжалось.

Член Реввоенсовета республики А.И. Окулов, выступая в марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б), отмечал: «Военные специалисты есть известный слой служивой интеллигенции. Раздел всей судьбы её — в зависимости от колебаний общего политического положения. Если мы обратимся к старой так называемой офицерской касте старого периода, мы увидим, что эта каста никогда не была единой. Она разделялась на гвардейцев, которые презирали армейцев, на казаков, которые презирали какие-нибудь драгунские части, на самых несчастных армейцев, которые завидовали кавалеристам, и так далее. Словом, тот миф, которым помахивают перед нами, что офицерство от рождения является белогвардейской глыбой... не опирается ни на один серьёзный аргумент, не оправдывается нашей собственной практикой»¹.

С начала 1930-х гг. в историографии и публицистике утвердилось представление о почти поголовном переходе «старого» офицерства на сторону белогвардейских формирований. Как справедливо отмечал С.А. Федюкин, «в работах историков Гражданской войны, вышедших ещё десяток лет назад (до середины 50-х гг. — *К.Н.*), трудно встретить даже упоминание о том, что тот или иной советский военный деятель был офицером или генералом царской службы. А если и указывалось, что в Красной армии служили бывшие офицеры старой армии, то характеристика им давалась, как правило, самая отрицательная»².

Вместе с тем с конца 1920-х — начала 1930-х до 1960-х гг. в художественной и мемуарной литературе широко распространился другой образ офицера. Это был благородный человек, делавший ценой больших душевных усилий категорический выбор в пользу революции, резко рвущий со своим классом, в том числе с ближайшими родственниками и друзьями, подвергающийся преследованиям со стороны бывших товарищей, преодолевающий недоверие к себе со стороны большевиков. В качестве примера можно привести образы подполковника Рощина из «Хождения по мукам» А.Н. Толстого, лейтенанта Беринга из «Оптимистической трагедии» В.В. Вишневского, поручика Мышлаевского из «Дней Турбиных» М.А. Булгакова, морского офицера Сейберта из «Салажонка» С.А. Колбасьева. Наконец, и в мемуарах А.А. Игнатьева³ (выдержали

© 2017 г. К.Б. Назаренко

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-31-01267.

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 157.

² Федюкин С.А. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965. С. 8–9.

³ Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. В 2 т. Изд. 1. М., 1941.

не менее 17 изданий в СССР в 1941–1989 гг.) и М.Д. Бонч-Бруевича⁴ (изданы в 1957–1964 гг. не менее четырёх раз) показан путь «старого» офицера в Красную армию.

Таким образом, в литературе параллельно существовали два диаметрально противоположных образа офицерства. Однако в основном принималось за данность, что его большинство (ввиду происхождения и условий жизни) выступило на стороне белых. И лишь единицы «решительно порвали со своим классом» и пошли в Красную армию.

Эта точка зрения переживает парадоксальный «ренессанс» в наши дни. Прежде всего следует назвать работы С.В. Волкова⁵, в которых происходит возврат к жёстким социологическим схемам, характерным для отечественной историографии 1930–1950-х гг., только «вывернутым наизнанку». Автор считает вполне допустимым для оценки политического выбора офицера применять критерий его социального происхождения. Он *apriori* полагает, что кадровый офицерский корпус, «служивший основой российской государственности, после большевистского переворота стал, естественно, ядром сопротивления антинациональной диктатуре»⁶.

В.Е. Звягинцев⁷, А.А. Зданович⁸, А.И. Каменев⁹, Э.А. Ковалёв¹⁰, В. Кузнецов¹¹, Я.Ю. Тинченко¹², Н.С. Черушев¹³ и другие авторы следуют в русле публицистической тенденции, с ориентацией на политические оценки событий, выработанные в эмигрантской историографии. Благодаря большому количеству оставленных моряками-эмигрантами мемуаров и сравнительно малому числу воспоминаний служивших в РККФ бывших офицеров поддерживается впечатление о почти поголовном отказе старого командного состава флота служить большевикам.

В 1970–1980-х гг. в историографии зародился другой подход к проблеме политического выбора офицерства в годы революции и Гражданской войны. Это направление отличается более тщательным изучением источников и отказом от априорных схем.

А.Г. Кавтарадзе¹⁴ по-новому поставил вопрос о политическом выборе кадрового офицерства. Он подробно исследовал проблему привлечения в РККА военных специалистов и пришёл к весьма взвешенным и обоснованным выводам. В частности, сделал принципиально важное заключение

⁴ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам! Изд. 1. М., 1957.

⁵ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1993; Волков С.В. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М., 2004.

⁶ Волков С.В. Трагедия... С. 524.

⁷ Звягинцев В.Е. Трибунал для флагманов. М., 2005.

⁸ Зданович А.А. Организация и становление спецслужб российского флота // Исторические чтения на Лубянке: 1997 год. Российские спецслужбы: история и современность. М.; Великий Новгород, 1999. С. 15.

⁹ Каменев А.И. Трагедия русского офицерства (уроки истории и современность). М., 1999.

¹⁰ Ковалёв Э.А. Короли подплава в море червонных валетов: Хроника начального периода советского подводного плавания. 1918–1941 гг. М., 2006.

¹¹ Кузнецов В. Они предали Россию // Тайна октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор: Документы, статьи, воспоминания. СПб., 2001. С. 5–58.

¹² Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР в 1930–1931 годы. М., 2000.

¹³ Черушев Н.С. 1937 год: Элита Красной Армии на голгофе. М., 2003; Черушев Н.С. «Невиновных не бывает...». М., 2004.

¹⁴ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республике Советов. 1917–1920 гг. М., 1988.

о том, что в ходе Гражданской войны в рядах РККА оказалось большинство офицеров Генерального штаба. Вместе с тем нельзя не отметить, что Кавтарадзе (как и другие авторы, писавшие на эту тему) не проводит важнейшее, на мой взгляд, разграничение между кадровыми офицерами, с одной стороны, и офицерами запаса и военного времени — с другой. Попытка изучения проблемы политического выбора всей массы офицерства без его дифференциации неизбежно обречена на неудачу. Характерно, что Кавтарадзе фактически ведёт речь только об офицерах Генерального штаба, т.е. о группе, целиком состоявшей из кадровых офицеров. Это обстоятельство существенно сближает офицеров Генерального штаба с офицерами флота, где в годы Первой мировой войны сохранилось кадровое ядро в неизмеримо большей степени, чем в сухопутной армии, хотя не следует игнорировать того факта, что к концу 1917 г. на флоте было до 40% офицеров запаса и военного времени.

В начале 2000-х гг. относительно политического выбора офицеров Генерального штаба развернулась дискуссия, в которой в основном участвовали В.В. Каминский и А.В. Ганин. Первый из них вывел на новый уровень доказательности идею Кавтарадзе о том, что большинство генштабистов «старой» армии оказались в рядах РККА. Он справедливо, на мой взгляд, указывает, что при выборе одной из сторон, противоборствовавших в Гражданской войне, эти офицеры руководствовались «социально-бытовой мотивацией» и желанием занять более высокий пост¹⁵ (что вполне согласуется с моими наблюдениями относительно кадровых офицеров вообще). Ганин же, напротив, полагает, что вышеназванное большинство в разгар гражданского противостояния всё же оказалось в белых армиях, а основным мотивом поступления генштабистов на советскую службу в 1918 г. стало их желание «продолжать войну» с Германией и Австро-Венгрией¹⁶.

На мой взгляд, Каминский ближе к истине, чем Ганин. Какими бы соображениями не руководствовался офицер в данной ситуации, политический выбор его всегда проявлялся в конкретных действиях. Факт поступления офицера на службу в Красную армию (флот) или белые формирования перевешивает любые рассуждения о мотивах такого поступка. Безусловно, констатацией этого факта исследователь ограничиться не может и обязан проследить дальнейшую деятельность данного офицера. Следует помнить, что невозможно сделать политический выбор «задним числом». Если уж офицер во время Гражданской войны воевал на той или иной стороне, никакие последующие изменения его позиции не смогут отменить этого факта. Говоря о выборе офицера *во время* войны, нужно принимать в расчёт не его позднейшие признания, а только действия в период перехода на другую сторону конфликта.

Возможность предварительного анализа политического выбора морских офицеров даёт справка «Сведения о бывших офицерах», подготовленная в марте 1921 г. (см. табл. 1) в рамках работы по чистке личного состава флота после

¹⁵ См., например: Каминский В.В. Русские генштабисты в 1917–1920 годах: Итоги изучения // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 40–51; Каминский В.В. Брат против брата: офицеры-генштабисты в 1917–1920 годах // Там же. 2003. № 11. С. 115–126; Каминский В.В. Выпускники Николаевской академии Генерального штаба на службе в Красной армии. СПб., 2011; и др.

¹⁶ Ганин А.В. О роли офицеров Генерального штаба в Гражданской войне // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 98–111; Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014; и др.

Таблица 1

Численность бывших офицеров в РККФ в марте 1921 г.

Категории офицеров	Адмиралы / генералы	Штаб-офицеры	Обер-офицеры	Мичманы военного времени	Прапорщики	Всего
Строевые	128	649*	1 628**	968		3 245***
Инженер-механики		953		194		1 147***
Корпус морской артиллерии	44					
Корпус гидрографов	112					
Корпус флотских штурманов	3					
Корпус корабельных инженеров	171					
По Адмиралтейству	1 224					
Итого					485****	5 946

Составлено по: РГА ВМФ, оп. 5, д. 4, л. 106.

* Бывших капитанов 1 ранга — 261 человек, 2 ранга — 388 человек.

** Бывших старших лейтенантов — 389 человек, бывших лейтенантов — 338, бывших мичманов — 901 человек.

*** Не считая бывших адмиралов и генералов.

**** Все бывшие прапорщики, независимо от специальности, показаны вместе.

Кронштадтского мятежа¹⁷. В этом документе указано количество бывших офицеров, находившихся на службе в РККФ, с разбивкой по категориям и чинам.

Данные сведения необходимо сопоставить с информацией, содержащейся в «Отчёте по Главному управлению личного состава» от 17 января 1918 г.¹⁸ и в двух справочных изданиях («Списке личного состава судов флота, строевых и административных учреждений морского ведомства за 1916 г.»¹⁹ и «Списке старшинства офицерских чинов флота и морского ведомства» за 1917 г.²⁰). В первом издании имеются сведения о службе всех офицеров морского ведомства на 10 апреля 1916 г., во втором — об их чинах на 18 августа 1917 г. (внесённые сюда последние изменения относятся к 25 октября), а в «Отчёте...» — о численности этих офицеров на 1 января 1918 г., с разбивкой по чинам и специальностям (см. табл. 2—4).

¹⁷ Российский государственный архив Военно-морского флота (далее — РГА ВМФ), ф. р-5, оп. 5, д. 4, л. 106.

¹⁸ Там же, оп. 1, д. 82, л. 22—29 об.

¹⁹ Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений морского ведомства за 1916 г.: Исправлено по 10 апреля 1916 г. Пг., 1916.

²⁰ Список старшинства офицерских чинов флота и морского ведомства. Пг., 1917.

Эти источники можно признать максимально достоверными. Именно в опубликованных списках личного состава или списках старшинства (играло важную роль в чинопроизводстве и служебных отношениях) офицеры могли узнать о собственном старшинстве относительно их сослуживцев. Ни в коем случае нельзя считать, что в справках 1918 и 1921 гг., где во множестве групп по чинам и специальностям представлены офицеры флота, сфальсифицирована их численность. По крайней мере, у составителей справки 1921 г. не было ни малейшего расчёта завышать численность бывших офицеров в составе РККФ.

Таблица 2

Состав офицерского корпуса морского ведомства на 10 апреля 1916 г.

Категории офицеров	Адмиралы / генералы	Штаб-офицеры	Обер-офицеры	Всего
Строевые	73 / 77	561	1 796	2 507
Инженер-механики	— / 27	226	442	695
Корпус морской артиллерии	— / 13	15	9	37
Корпус гидрографов	— / 15	46	59	120
Корпус флотских штурманов	— / 2	2	—	4
Корпус корабельных инженеров	— / 11	41	109	161
По Адмиралтейству	— / 7	106	539	652
Морская строительная часть	— / 6	20	1	27
Военно-морское судное ведомство	— / 15	17	5	37
Гарнизон морской крепости императора Петра Великого	— / 2	12	64	78
Итого	248	1 046	3 024	4 934*

Составлено по: Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений морского ведомства за 1916 г. ...

* В том числе 616 прапорщиков по морской или механической части.

Таблица 3

Состав офицерства морского ведомства на 18 августа 1917 г.

Категории офицеров	Адмиралы / генералы	Штаб-офицеры	Обер-офицеры (кадровые)	Всего
Строевые	70 / 52	641	2 117	2 880
Инженер-механики	— / 33	268	648	949
Корпус морской артиллерии	— / 14	21	9	44
Корпус гидрографов	— / 13	52	46	111
Корпус флотских штурманов	— / 1	2	—	3
Корпус корабельных инженеров	— / 10	46	115	171
По Адмиралтейству	— / 8	116	966	1 090
Итого	201	1 146	3 901	5 248

Составлено по: Список старшинства офицерских чинов флота и морского ведомства.

Состав офицерства морского ведомства на 1 января 1918 г.

Категории офицеров	Адмиралы / генералы	Штаб-офицеры	Обер-офицеры	Мичманы военного времени	Прапорщики	Зауряд-прапорщики	Всего
Строевые	54 / 44	603	2070	511	447	242	3 971
Инженер-механики	— / 32	265	645	204	181	69	1 396
Корпус морской артиллерии	— / 14	22	9	—	—	—	45
Корпус гидрографов	— / 11	49	46	—	—	—	106
Корпус флотских штурманов	— / 1	2	—	—	—	—	3
Корпус корабельных инженеров	— / 11	45	114	—	—	—	170
По Адмиралтейству	— / 7	205	1 059	—	288	—	1 559
Морская строительная часть	— / 4	19	1	—	—	—	24
Военно-морское судное ведомство	— / 8	18	10	—	—	—	36
Гарнизон морской крепости императора Петра Великого	— / 3	32	111	430 (берегового состава)	—	—	576
По авиационной части	—	—	—	94	30	—	124
По своей специальности	—	—	—	—	461	—	461
Итого	189	1 260	4 065	1 239	1 407	311	8 471

Составлено по: РГА ВМФ, ф. р-5, оп. 1, д. 82, л. 22–29 об.

При анализе данных следует иметь в виду, что корпуса морской артиллерии и флотских штурманов перестали пополнять ещё в 1885 г. Однако в 1914 г. было принято решение о возрождении корпуса морской артиллерии, поэтому численность его состава несколько возросла. Но сюда, как и в корпуса корабельных инженеров, гидрографов, морскую строительную часть и военно-морское судное ведомство, во время Первой мировой войны не зачисляли офицеров военного времени. Поэтому их не так много. Например, в морской строительной части основную долю руководящего состава составляли инженеры в гражданских чинах. В гарнизоне морской крепости императора Петра Великого (Ревель) служили, как правило, сухопутные офицеры, а мичманы военного времени берегового состава имели чисто сухопутную подготовку и относились к числу офицеров морского ведомства лишь формально. Штаб- и обер-офицеры по авиационной части числились среди строевых или инженер-механиков до осени 1917 г. По этой причине в справке выделены только мичманы военного времени и прапорщики по авиационной части.

Система чинопроизводства на флоте отличалась рядом особенностей, связанных с неполноправием офицеров запаса и военного времени (прапорщиков). Весной—летом 1917 г. эта система была несколько изменена и стала весьма запутанной, поскольку наряду с прапорщиками появились мичманы военного времени. Чин зауряд-прапорщика считался временным (до окончания войны). Поэтому лица, имевшие его, не включались в публиковавшиеся списки

личного состава²¹. Запутанность служебных статусов зауряд-прапорщиков, прапорщиков и мичманов военного времени приводили к тому, что уже на службе в РККФ бывшие офицеры могли по-разному указывать свой последний чин в «старом» флоте.

Итак, в 1917 г. различные военно-учебные заведения подготовили сотни молодых офицеров в чинах мичмана (с правами кадрового офицера), мичмана военного времени или прапорщика по различным специальностям. Это стало следствием больших усилий по развитию сети военно-морских учебных заведений в течение 1913—1916 гг. Также с мая 1917 г. широко практиковалось производство кондукторов и унтер-офицеров флота в прапорщики и подпоручики по Адмиралтейству. Морской офицерский корпус в 1917 г. увеличился без малого в два раза, что в значительной степени размыло его былую монолитность. Ранее большинство морских офицеров были питомцами лишь Морского кадетского корпуса и Морского инженерного училища. Следует обратить внимание на то, что «Список старшинства...» за 1917 г. не охватывает офицеров военного времени.

После Февраля 1917 г. произошло значительное сокращение численности генералов флота (на 32%). Кроме того, в июле 1917 г. в генерал-майоры флота были произведены 14 человек. Число адмиралов осталось, казалось бы, почти неизменным (73 человека — в апреле 1916 г., 70 — в августе 1917 г.), но в действительности произошло существенное изменение состава адмиралов. Одновременно были произведены в контр-адмиралы 32 человека, тогда как с августа 1914 г. по май 1917 г. — всего восемь человек. Соответствующее число адмиралов были тогда уволены в отставку.

Таким образом, между Февралём и Октябрём 1917 г. состав адмиралов и генералов флота обновился наполовину, в гораздо меньшей степени — генералитет корпуса инженер-механиков. Между апрелем и августом 1917 г. состав последнего увеличился на девять человек, и лишь троих уволили²². Такое положение дел стало следствием того, что строевые адмиралы и генералы флота занимали гораздо более значимые руководящие должности в морском ведомстве, а значит, оказались сильнее втянутыми в политическую борьбу.

В августе 1917 — начале 1918 г. произошло заметное сокращение численности адмиралов и генералов по флоту (на 20%), а также строевых штаб-офицеров (на 6%), что было связано с увольнением и выходом в отставку ряда представителей этих категорий — участников политической борьбы в первые месяцы после Октября. В то же время резко выросло число штаб-офицеров по Адмиралтейству (на 76%). Причины этого явления пока не ясны. Возможно, они связаны с переводом части строевых штаб-офицеров в корпус офицеров по Адмиралтейству. Прочие категории офицеров морского ведомства в целом сохранили свой состав.

Следует учитывать, что в апреле 1916 г. числились 177 адмиралов и генералов флота и корпуса инженер-механиков, в августе 1917 г. — 155, к началу

²¹ Подробнее см.: *Назаренко К.Б.* Трансформация служебного положения офицеров русского флота в 1917 г. // *Россия в эпоху революций и реформ: Проблемы истории и историографии. Межвузовская научная конференция: Сборник докладов.* 27 ноября 2015 г. СПб., 2016. С. 179—187; *Назаренко К.Б.* Падение барьеров на пути к офицерскому чину: Офицерский корпус русского флота накануне и в годы Первой мировой войны // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета* 2015. № 25. С. 71—86.

²² Список старшинства офицерских чинов флота и морского ведомства. С. 3—4, 7—8, 87.

1918 г. — 130, а в марте 1921 г. в РККФ служили 128 бывших адмиралов и генералов этих корпусов. Фактически в России адмиралов и генералов флота и инженер-механиков было больше, чем указано в таблицах, поскольку часть их уволили в отставку после Февраля 1917 г., а на их место были произведены новые. С учётом погибших и умерших, число адмиралов и генералов флота и инженер-механиков достигало 220 человек. Тем не менее больше половины из них к концу Гражданской войны служили в Красном флоте.

Правда, не исключено, что 128 человек — это все бывшие генералы и адмиралы, служившие в РККФ, в том числе гидрографы, артиллеристы и проч. (т.е. свыше $\frac{1}{3}$ бывших адмиралов и генералов морского ведомства). Я считаю такую интерпретацию менее вероятной, иначе на Красном флоте в марте 1921 г. должно было оказаться свыше 100% офицеров и генералов корпусов морского ведомства (гидрографов, артиллеристов, кораблестроителей и др.).

К марту 1921 г. в РККФ числились 3 230 бывших кадровых штаб- и обер-офицеров строевых и инженер-механиков, тогда как в августе 1917 г. их было 3 674, к началу 1918 г. — 3 583 человека. Даже если принять во внимание, что фактическая численность этих офицеров оставалась несколько выше (по тем же причинам, что и количество адмиралов и генералов), а часть бывших офицеров военного времени могла в 1921 г. скрыть это обстоятельство и оказаться учтёнными как кадровые, всё равно служба в РККФ большинства (не менее $\frac{3}{4}$) бывших кадровых штаб- и обер-офицеров «старого» флота остаётся фактом. Что же касается бывших офицеров корпусов морской артиллерии, гидрографов, флотских штурманов, корабельных инженеров, то к марту 1921 г. они почти все оказались на службе в Красном флоте.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в тот период в РККФ числились 953 бывших кадровых штаб- и обер-офицера инженер-механика и 968 бывших строевых мичманов военного времени, тогда как на 1 января 1918 г. их было соответственно 910 и 511 человек. На первый взгляд, это явное противоречие. Полагаю, что оно объясняется следующим: далеко не все мичманы военного времени точно указывали свой бывший статус на службе в Красном флоте — быть кадровым офицером считалось престижнее, чем офицером военного времени. С другой стороны, часть прапорщиков по механической части и недоучившихся гардемарин могли «производить» себя задним числом в мичманы, тоже повышая свой статус. Это приводило к смешению категорий при учёте.

Вот лишь один пример. Герой рассказа Л.С. Соболева «Перстни» — недоучившийся гардемарин — на службе в РККФ называет себя бывшим мичманом. Автор так описывает мотивацию этого человека. Летом 1919 г. «он стал младшим штурманом линкора, впервые попав на настоящий корабль. И здесь, подавая командиру рапорт о приёме штурманского имущества, он с гордостью подписал: “б. мичман Ю. Шалавин”, видя в этой явной лжи необходимый пароль и пропуск в тесный круг “благородного общества офицеров”, как именовалась в морском уставе кают-компания»²³. Не следует считать это анекдотом. В годы Гражданской войны в Красном флоте бывший офицерский чин рассматривался как мерило профессиональной пригодности, при этом кадровые офицеры однозначно котировались выше офицеров военного времени или гардемарин. Об этом свидетельствует, например, переписка Н.И. Подвойского

²³ Соболев Л.С. Морская душа. Зелёный луч. Л., 1972. С. 43.

(тогда наркомвоен Украины) с Морским генеральным штабом РСФСР о назначении командующего и других руководителей флота советской Украины (апрель 1919 г.)²⁴.

Хотя вопрос о том, почему большинство кадровых офицеров «старого» флота в годы Гражданской войны оказались на стороне советской власти, уже затрагивался²⁵, тем не менее требуется более тщательное его рассмотрение. Не следует забывать, что иногда анализ численности тех или иных категорий может ввести в заблуждение. Пример — приведённые выше данные относительно адмиралов и генералов флота и корпуса инженер-механиков. В действительности значительно изменился состав данных категорий, но не число оставшихся на службе лиц.

Важно тщательно проследить судьбу флотских офицеров военного времени. Сделать это очень сложно, поскольку они были не так тесно связаны с флотом, как кадровые офицеры, и считались менее ценными специалистами. Кроме того, их служебный путь был короче, поэтому им уделялось меньше внимания, и перипетии их службы слабее отражены в делопроизводственных и отчётных документах.

Нужно помнить и о том, что справка о численности бывших офицеров в РККФ (несомненно, некоторые из них уже успели послужить в белых формированиях) отражает ситуацию, сложившуюся к концу Гражданской войны. Однако вывод о том, что к марту 1921 г. в составе РККФ находилась основная масса бывших офицеров русского флота, необходимо конкретизировать. При этом требуется создать, а затем и проанализировать биографическую базу данных офицеров морского ведомства.

²⁴ РГА ВМФ, ф. р-5, оп. 1, д. 184, л. 814—816.

²⁵ См., например: *Назаренко К.Б.* Флот, революция, власть в России (1917—1921 гг.). М., 2010.